

использовался йодный реагент, наносившийся на бумагу крест-накрест, и перекрещивающиеся линии, часто встречающиеся в оформлении книг футуристов (например, на одной из авторских обложек «Ожирения роз» Алексея Крученых), по мнению Коцьялковской, могут быть сознательной отсылкой к йодным крестам, представленным цензурой.

Комментируя секцию, дискуссант *Мария Милеева* (Институт искусств Курто, Великобритания) отметила, что каждая из докладчиц не только предложила собственный взгляд на материальность текста, но и продемонстрировала, что идеологическая риторика, как и другие изводы советской материальности, представляет собой не продукт, а процесс. Художники и писатели становятся частью этого процесса, даже когда пытаются с его помощью продуцировать альтернативные смыслы, поэтому особенно важно задаваться вопросом о политическом значении каждого отдельного артистического жеста.

В заключение организаторы конференции отметили, что материальность действительно является трудноуловимым объектом изучения, с которого исследователь постоянно соскальзывает в концептуальные построения. Однако подобные переключения от вещи к символу и обратно отнюдь не обязательно являются недостатком, от которого необходимо избавиться. Более того, хотя нам недоступен материальный мир «сам по себе», не окутанный плотной сетью языка и визуальных репрезентаций, в той же мере невозможно говорить и о «чистой» философии или «чистом» искусстве, которые не были бы укоренены в опыте материальных взаимодействий. Если материальность, как утверждал Сергей Ушакин, является угнетенным субъектом, это дополнительный повод внимательно прислушаться к тому, о чем она может рассказать.

Ксения Гусарова

Советское значит отличное

Международная научная конференция «Сделано в СССР: материализация нового мира»

(«Антропошкола» ТюмГУ, 8–11 сентября 2022 года)

10.53953/08696365_2023_179_1_410

С 8 по 11 сентября 2022 года в Тюмени прошла конференция «Сделано в СССР: материализация нового мира». Ее организатором выступила Школа исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета¹. Конференция приурочена к 100-летию образования СССР, и первоначальный замысел организаторов был связан с желанием осветить историю советского проекта через материальные объекты. Источниками вдохновения для этой концепции выступили

1 Конференция проводилась благодаря финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» и гранта РНФ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

совместный проект Британского музея и радио BBC 4 «История мира в 100 объектах»² и цифровой выставочный проект «История советской Центральной Азии в 100 объектах»³. К сожалению, в полной мере реализовать этот проект и представить к 100-летию СССР 100 объектов, отражающих различные аспекты советской системы, не получилось — в значительной степени из-за невозможности иностранных участников принять участие в конференции.

Целями конференции были обсуждение процессов формирования многообразных миров советских вещей и намерение понять, какое влияние оказывала материальная среда Советского Союза — от инфраструктурных проектов до предметов «повседневного спроса» — на жизнь и деятельность советских институтов, общества и отдельных людей. Каковы те роли, сети, практики производства, потребления и обмена, с помощью которых создавалась и воспроизводилась вещная система СССР? За время существования Советского Союза была создана специфическая материальная культура, уникальность которой обусловлена рядом факторов, по-разному проявившими себя на протяжении всего советского периода. Поэтому необходимо осмыслить специфику процесса материализации советского образа жизни. Насколько этот процесс овещствления следовал логике формирования материальной среды в Европе, Азии или Америке? Насколько «советское отличное» отличалось от несветского? Организаторы конференции хотели обсудить не только то, как вещи становились советскими, но и то, как формировались советские производитель и потребитель вещей. Как советский материальный мир совпадал (и расходился) с идеологическими основаниями советской системы на разных этапах ее существования? В какой степени «предметы советского обихода» оказывались проводниками и посредниками между обществом, государством, институтами и отдельным человеком?

Одновременно с этим конференция ставила своей целью стимулировать дискуссию на русском языке об осмыслении материальности. Благодаря акторно-сетевой теории и новому материализму в современных гуманитарных науках можно говорить о наличии материального поворота. В значительной степени это связано с работами Бруно Латура, который ушел из жизни совсем недавно, и Джона Ло. Несмотря на популярность этого подхода как теоретической рамки, на данный момент применительно к советскому материалу имеется крайне мало проектов. Можно отметить книгу Алексея Голубева «The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia» (недавно изданную на русском в НЛЮ⁴) или проект под руководством Елены Кочетковой «Материальный мир позднесоветского общества в условиях холодной войны: технологические инновации в производстве и репрезентация товаров широкого потребления». Организаторы конференции, а в их число входили Сергей Ушакин, Галина Орлова, Алексей Голубев, Михаил Тимофеев и Александр Фокин, как раз хотели, с одной стороны, перебросить мосты между теоретической рамкой и конкретными источниками, чтобы обсудить возможности и пределы материального поворота в исторических исследованиях, и, с другой стороны, связать различные кейсы общим видением и выстроить определенную генеалогию советской материальности.

Галина Орлова (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Неоплатоники из Гостехники: ГОСТы, или управление материализацией через стандартизацию в СССР

2 См.: A History of the World in 100 Objects (<https://www.bbc.co.uk/programmes/boonrtd2/episodes/downloads> (дата обращения: 10.11.2022)).

3 См.: История Советской Центральной Азии в 100 объектах (<https://www.cabinet.ox.ac.uk/soviet-central-asia-100-objects> (дата обращения: 18.11.2022)).

4 Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

(1948—1951 гг.)» постаралась концептуализировать важнейшее понятие для советской материальности — ГОСТ. На основе анализа стенограмм обсуждения и протоколов утверждения государственных стандартов на Коллегии Гостехники, а также документации ГОСТов, принятых или выведенных из обращения на рубеже 1940—1950-х, докладчица показала дискурсивные стратегии стандартизации; идеологические дилеммы, возникавшие в процессе выработки стандартов; способы экспертного и неформального участия в обсуждении идеальных форм советской продукции; темпоральности ГОСТа; языки описания материальности в дебатах о градациях качества, разворачивающихся на заседаниях коллегии между производителями, потребителями и экспертами Гостехники. Было показано, что, во-первых, стандартизация осуществлялась из перспективы идеального потребителя («за каждым стандартом надо видеть человека»), а не производителя. Во-вторых, в ее основание закладывалась не количественная, а качественная логика. Наконец, она регулировала не процесс и состояние инфраструктуры, а индустриальный продукт сам по себе в его идеальной спецификации и материальности, вырабатывая и предъявляя народному хозяйству идеальные формы советской продукции — ГОСТы.

Наталья Никифорова (ИИЕТ РАН, Москва / СПбПУ) выступила с докладом «*Материальное воплощение советской электрификации (1930—1950-е). Централизация vs. стихийность*», в рамках которого осмысляла воплощение советской идеи централизации электроэнергетики на примере реализации теплоэнергетических станций и развития теплофикации. Создание станций, вырабатывающих одновременно энергию и тепло для большого количества потребителей в политических речах и инженерных высказываниях, характеризовалось как исключительно советское решение — такая организация энергохозяйства позволяла преодолевать границы индивидуального предприятия, а создание централизованных проектов теплофикации городов было воплощением планового хозяйства, что было невозможно в капиталистических странах. Примечательно, что сельская электрификация в рассматриваемый период отличается от городской. Идеологически предполагалось, что электрификация изменит аграрное население страны, его труд и восприятие индустриальной системы. Электрификация села активно пропагандировалась, но из-за специфики сельских потребителей не была реализована как единый финансируемый из одного центра проект. Деревни, как правило, строили станции самостоятельно, изыскивая собственные финансы или с помощью кредита.

Ольга Марасанова (Пермский государственный национальный исследовательский университет) в своем докладе «*Мемуары ЭВМ «Арагац»: опыт использования акторно-сетевого подхода в историческом исследовании*» сосредоточилась на рассмотрении истории вычислительного центра Пермского государственного университета. Здесь в 1961 году была установлена ЭВМ «Арагац», одна из первых больших машин в городе. По мысли докладчицы мейнфрейм, как актор, влечен в широкую сеть взаимодействий. Его работа подчинена правилам министерского планирования и распределения ресурсов. Машина вовлекает организаторов вычислительного центра в цепочку коммуникаций с сотрудниками областного Совнархоза, чиновниками министерств высшего и среднего специального образования РСФСР и СССР, депутатами Верховного Совета СССР. ЭВМ «Арагац» помогала завязывать контакты с московскими, ленинградскими, киевскими, новосибирскими коллегами. Машина разбивает башню из слоновой кости и сближает университетских работников с заказчиками расчетов из предприятий Пермской области и других регионов СССР. С 1961 по 1972 год сами работники центра находятся с ЭВМ в сложных отношениях: они ждут машину, зависят от нее, оберегают, ломают и в конце эксплуатации устраивают публичные похороны.

Светлана Кравчук (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Транспорт “последней мили” в сельских условиях: роль советских самодельщиков в формировании инфраструктуры» сфокусировалась на советском периоде активности «транспортных самодельщиков»: так, в случае скользящего транспорта в период с 1920—1930-х годов, включая Великую Отечественную войну, а также в послевоенное время (1950—1960-е годы) произошла своеобразная акселерация и переосмысление опыта использования традиционных саней и лыж, в основе которого — практические знания о среде использования, что воплотилось в способностях и возможностях создания новых транспортных средств для уже известной среды обитания по уже известным принципам для выполнения локально обусловленных задач. Поскольку промышленность молодого (а впоследствии и зрелого) Советского государства не могла удовлетворить потребность в массовых и доступных по цене малогабаритных средствах передвижения по бездорожью и его сезонным вариациям, в качестве государственной стратегии можно выделить: (а) повышение общей технической и пользовательской грамотности работоспособного населения, а также подрастающего поколения; и (б) предоставление самодельщикам образцов (и инструкций) для самостоятельного изготовления транспортных средств.

Тему самодельщиков продолжила Рамина Абилова (ТюмГУ) в докладе «На пути к освобождению от “заграницы”: советское фотоаппаратостроение на рубеже 1920—1930-х годов» осмысляла состояние фотопромышленности в годы первой пятилетки. В конце 1920-х годов фотолюбители ощущали острый недостаток фотоаппаратуры и фотоматериалов. В связи с предпринятым курсом на развитие отечественной фотопромышленности и ожиданием выхода на рынок советской фотоаппаратуры разрешения на приобретение фотокамер зарубежного производства стали выдаваться в редких случаях и почти исключительно учреждениям. Для получения фотоаппарата и прочих фототоваров из-за границы, в том числе в подарок, было необходимо получить лицензию Народного комиссариата внутренней и внешней торговли СССР. В случае нарушения правил предусматривалось лишение свободы или принудительные работы на срок не менее шести месяцев. Разработкой и производством фотоаппаратов занялись Трест оптико-механического производства (ТОМП) в Ленинграде и промыслово-кооперативная артель «ФотоТруд» (ЭФТЭ) в Москве. Публикации тех лет свидетельствуют о том, что ожидания о налаживании массового производства не были оправданы. Выпуск фотоаппаратов затягивался и сопровождался рядом проблем. Между спросом и предложением существовал принципиальный разрыв. Вместо ящичных фотоаппаратов любителям и профессиональным фотографам были необходимы компактные камеры, так называемые дорожные камеры и аппараты легкого типа — складные с пластинами небольшого размера. Помимо конструкции критикой вызывали высокая стоимость и сбой в производстве. Первые советские фотоаппараты поступали небольшими партиями и не удовлетворяли рынок. Фотоаппараты производства ТОМП и ЭФТЭ выдавались только в коллективную собственность фотокружков, и лишь малая часть распространялась среди фоторепортеров и научных учреждений. Их перепродажа и передача в собственность отдельным лицам были воспрещены. Среди других проблем фотографической деятельности — отсутствие системы налаженной фототорговли, слабая фоторемонтная база, низкое количественное производство химикалий, пленок и принадлежностей (штативов, рамок, ванн и т.д.). Пока производство советской фототехники налаживалось, а ввоз зарубежных фотоаппаратов и материалов был практически невозможен, фотолюбителям предлагались временные решения. Одно из них — обращение к довоенному фотографическому материалу и оборудованию. Другое — «самодельщина», то есть самостоятельное изготовление фотоаппаратов.

Юлия Папушина (НИУ ВШЭ, Пермь) в докладе *«Практика управления качеством в городе Перми в 1960-х — начале 1970-х годов»* анализировала то, как усилия по достижению и поддержанию высокого качества продукции были реализованы в практике управления качеством в швейном производстве в Перми. В отличие от предыдущих исследований, докладчица рассмотрела практику управления качеством на двух уровнях: местном (швейная промышленность Пермского края, включая различные заинтересованные стороны, такие как предприятия, розничная торговля и контролирующие органы) и микроуровне (пермская швейная фабрика «Пермодежда»). Выбранный масштаб анализа позволил прояснить основные препятствия на пути улучшения качества в работе организаций, дополнив существующие исследования о неудачах в области качества продукции. Докладчица показала, как местные власти балансировали между административным и рыночным регулированием, а также между западными эталонами моды и идеологической корректностью. Отдельно в докладе освещалась тема контроля и страхования качества, а именно внедрение системы «без ошибок» и практика улучшения качества. Советское руководство не смогло в полной мере внедрить повышение качества в производственные процессы швейной промышленности. При этом у участников процесса борьбы за качество были разные полномочия. Например, наиболее успешное внедрение системы «без ошибок» произошло на внутриводском уровне, и заготовки одежды почти достигли стопроцентного уровня бездефектности. Но на всей цепочке от разработки до продажи эта модель не работала, поскольку требовала слишком больших усилий со стороны менеджеров, в то же время угрожая провалом планов.

Вопросы качества товаров поднимала и Александра Ермолова (ТомГУ) в докладе *«Во что играют наши малыши?» Производство игрушек в Томске в 1950—1960-х гг.: между бюрократией и потребностями детей (на материалах периодики, архивных документов и фотографий)»*. Поскольку воспитание подрастающего поколения всегда было одной из первоочередных задач Советского государства, проведение планомерной политики в этом направлении начиналось с самых ранних ступеней развития ребенка. Одним из инструментов воспитания была детская игрушка. Производство игрушек — удачный симбиоз, объединяющий государство с его идеологией и бюрократией и одновременной заботой о детях, а также потребности самих детей. В качестве кейса была выбрана деятельность Томской фабрики игрушки. Она имеет продолжительную историю и берет свое начало с 1919 года как учебные мастерские для подростков с целью обучения их столярной работе. В 1929 году мастерские учебных пособий были переименованы в мастерские общества «Друг детей». В 1933 году мастерские школы «Друг детей» были реформированы в фабрику культтоваров, которая в 1956 году была ликвидирована с передачей своих функций Томской фабрике детской игрушки. Обращение к процессу производства игрушки с точки зрения его символического содержания и конструируемых смыслов позволяет увидеть в самой игрушке универсальный способ общения с детьми, что позволило государству вести с ними разговор на понятном для них языке.

Не только игрушки, но и многие другие вещи носили символический характер. Так, Галина Янковская (Пермский государственный национальный исследовательский университет / ТюмГУ) в докладе *«Советский музпром: специфика производства, “бренды” и “антибренды” в материальном мире советского горожанина 1960—1980-х гг.»* анализирует неотъемлемый компонент материального мира советского человека 1960—1980-х годов — пианино. Этот клавишный музыкальный инструмент производился на нескольких фабриках в СССР. Одним из самых известных производств был пермский комбинат (впрочем, предприятие неодно-

кратно меняло название) по производству музыкальных инструментов. Главный «бренд» этого предприятия — пианино «Кама» — было знакомо большинству учащихся музыкальных школ (а обучение в музыкальных школах в качестве дополнительного образования стало массовым явлением в жизни позднесоветского горожанина). Пианино было естественной частью интерьеров квартир, в том числе и коммунальных. Производство клавишного инструмента было связано со сложной логистикой поставок запчастей и материалов, разработкой дизайнерских решений и производством сопутствующих товаров, предполагало специальную подготовку работников и постпродажное гарантийное обслуживание. В докладе анализировались как производственные сюжеты, так и символическое значение инструмента в материальном мире повседневной жизни советского человека с точки зрения его пространственного статуса и престижа, сети сопутствующих материальных объектов, наделенных также особой семантикой (метроном как малый интерьерный объект, вращающийся стул и ноты). Докладчица подчеркнула, что пианино как объект было связано с практиками дефицитарного потребления и выступало маркером «гармонично развитой личности» и советской успешности.

Именно в этом статусе пианино фигурировало на многих советских картинах. *Татьяна Круглова* (УрФУ, Екатеринбург) обращается к визуализации советской материальности в докладе «*Советский бидермайер: образы “уютного мира” в позднесталинском изобразительном искусстве (1945–1955)*». Автор отмечает, что в изучении искусства послевоенного десятилетия в СССР сложилось множество неопределенностей, что указывает на проблему языка или концептуальной рамки для описания художественной практики этого периода. Позднесталинскому периоду мало везет с исследователями и концепциями, особенно по сравнению с ранним советским искусством или поздним — от оттепели до «длинных семидесятых». В качестве одной из рамок осмысления была предложена концепция «советского бидермайера», позволяющая интерпретировать огромный и репрезентативный пласт советского искусства как аналог европейского стиля изобразительного и декоративно-прикладного искусства 1840—1870-х годов. Бидермайер возник в Европе после бурной эпохи «натиска», революций и войн и демонстрировал целый ряд новых ценностей, неизвестных ранее европейскому человечеству: ценности частной жизни, утилитаризма, аполитичности, отказа от измерения жизни большими нарративами, — всего, что составило ядро не вполне рационализируемого понятия, чаще всего переводимого как «уютность». Материализацию этих ценностей Татьяна Круглова обнаруживает на нескольких уровнях анализа советских изобразительных текстов: организации пространства, времени, предметной и событийной сфер. Проведенный докладчицей анализ выборки советского искусства позволил выявить высокую степень его сходства с европейским бидермайером, а также прояснить советскую специфику хронотопа, вещественной среды и событийного ряда.

Продолжением дискуссии о связи материальности и культуры стал доклад «*Советская бытовая классика: высокое искусство в вещественном наполнении*», который сделала *Ольга Сапанжа* (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург). В центре внимания доклада оказался феномен «бытовой классики» послевоенного периода (1940—1960-е годы), нашедший отражение в предметах обихода, выпускаемых советскими промышленными предприятиями. Так, важным мотивом оформления вещей практического назначения (кухонные банки для сыпучих продуктов, эмалированные кружки, упаковка, шкатулки, флаконы) становятся памятники классической архитектуры Петербурга XVIII—XIX веков. Бытовые вещи оказывались носителями важной идеи города — хранителя исторической традиции, пространства эталонной архитектуры даже в новейших постройках, и в то же время ре-

шали проблему приобщения к высокой культуре «новых горожан», составивших важную часть демографической картины Ленинграда в 1950—1960-е годы. Еще одним проявлением «бытовой классики» стало активное включение элементов «высокой культуры» в пространство обыденного. Наиболее ярко этот феномен проявился в рамках синтеза двух искусств — в начале XX века элитарных, а в 1920—1930-е годы — лишь декларируемых массовыми. С конца 1940-х годов балет и интерьерная фарфоровая пластика обретают новый масштаб, включаясь в процессы организации жизненной среды и ее наполнения — материально и содержательно. Анализ различных сторон проявления «бытовой классики» в пространстве повседневной культуры реализованной в предметном, вещественном наполнении, позволяет рассматривать данный сюжет как важнейший элемент осуществления масштабной программы формирования «советского культурного человека».

Ирина Глуценко (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Дизайн и травма: круговорот советских вещей в культуре*» поставила вопрос о том, как советские вещи существуют в современном мире. Отмечалось, что в течение последних полутора десятилетий наблюдается растущая востребованность советских предметов либо изделий, имитирующих приемы советского дизайна. Происходит превращение элементов советского быта в «советский стиль», интегрирующий в новую систему эстетических и бытовых представлений, которые должны создавать ощущение или иллюзию комфортной среды, призванной сохранить культурную преемственность. При этом одновременно происходит как переосмысление элементов советского быта, так и их переиспользование. Докладчица продемонстрировала тенденции применения советских предметов и элементов декора в дизайне современных квартир. Показательно, что наряду с аутентичными предметами, которые начинают приобретать уже антикварную ценность, появляются и новые — либо копирующие советские образцы, либо стилизованные под них. Эти вещи даже могут становиться эстетически привлекательными, хотя советские граждане часто считали их уродливыми. Возникшая стилистическая дистанция позволяет переосмыслить и переозначить эти вещи, в том числе и с эстетической точки зрения. Докладчица подчеркнула, что в нынешних условиях не просто происходит использование советских предметов, но и присутствует ориентация на советские образы как символы более широких контекстов. Использование советских образов и предметов для создания иллюзии комфорта, покоя и преемственности выполняет также терапевтическую функцию в обществе, где все еще не преодолен культурный шок быстрых перемен и сохраняется неуверенность в собственном будущем. В заключении докладчица отметила, что, в отличие от советского, современное российское общество так и не выработало свой стиль, и неочевидно, что это возможно или необходимо. Однако постоянное возвращение к прошлому и продолжающийся ресайклинг — круговорот советских предметов в современном пространстве — показывают, что такая потребность существует.

Тему «вещей из прошлого» продолжили *Игорь Нарский* (ТюмГУ / Пермский государственный национальный исследовательский университет / ЮУрГУ, Челябинск) и *Наталья Нарская* (филиал военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия», Челябинск) в докладе «*Отсутствие материальных источников как источник по советской истории: несколько размышлений при просмотре двух телешоу*» предложили компаративный подход. В качестве отправной точки выступили российская передача «Барахолка» и немецкое шоу «Наличные за редкость» («Bares für Rares»). В докладе ставился вопрос о возможностях, целесообразности и эффекте привлечения предметов материального мира в качестве источников для изучения недавнего прошлого, избыточно документированного письменными свидетельствами. Докладчики пред-

лагали рассматривать прошлое как нечто завершившееся, устоявшееся, неизменное, отрезанное от нас — и якобы именно поэтому достойное академического интереса и исследовательских усилий. Прикосновение к ценным предметам, имеющимся в семейном наследстве основной массы немецких и российских граждан, посредством телешоу говорит о том, что ссылки на мировые войны как на главного разрушителя предметной среды представляются излишне абстрактными и недостаточно обоснованными. Российские скудость и унылость предметной среды связаны, скорее всего, с беспрецедентным выкачиванием из населения ценных предметов в межвоенный период и с перманентной бедностью, в которой оказалась значительная часть российского населения в постсоветский период. Кроме того, не только красноречие, но и молчание источников — и сам их дефицит — можно использовать в качестве важного исторического источника. «Прочесывание истории против шерсти», по словам Вальтера Беньямина, воплотившееся в структуралистском анализе текстов, по мысли докладчиков, может оказаться полезным и применительно к предметам. Наконец, исследование вещей из недавнего прошлого, в данном случае — из драматичного «советского века», позволяет взглянуть на него с близкого расстояния, «пощупать» его в буквальном смысле этого слова, примерить на себя, ощутить свою непосредственную причастность к нему.

Следующий блок докладов был посвящен теме материальности питания. Людмила Мазур (УрФУ, Екатеринбург / РГУ, Москва) представила доклад «Структура питания советского ученого в 1920-е гг. (по материалам бюджетного обследования 1925 г.)». Мазур отметила, что ученые в структуре советского общества занимали особое место, демонстрируя всему миру преимущества социализма и заботу Советского государства об интеллектуальной элите. Однако такое положение сложилось не сразу. Становление советской науки проходило в сложных условиях пересмотра приоритетов советской власти, в контексте которых науке отводилась второстепенная роль производительной силы социалистического общества. Исходя из этого строилась социальная политика в отношении ученых, значительная часть которых оказалась в годы Гражданской войны на грани нищеты и голода. С этих позиций интерес представляет проблема формирования стандарта потребления представителя советской науки, который начал оформляться во второй половине 1920-х годов и окончательно сложился в 1930-е годы. В современной литературе этот стандарт получил название «маленькой сделки», в ходе которой ученые получали от власти снабжение: еду, одежду, жилье и т.д., а взамен предоставляли свою экспертизу. Такой взаимобмен обеспечивал работникам академической сферы более высокий уровень жизни, чем в среднем по стране. Стандарт потребления советского ученого во многом носил демонстративный характер и был дифференцированным, то есть учитывал административно-статусные характеристики ученого. Реконструировать структуру потребления, в том числе питания, ученых позволяют материалы бюджетного обследования 1925 года, проведенного ЦСУ. Всего были собраны сведения о 268 домохозяйствах из 15 городов — Ленинграда и Москвы (по 50 семей), Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани, Перми, Воронежа, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Томска, Симферополя, Краснодар. В выборку вошли семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах и научных учреждениях. Сведения опросных бланков были систематизированы в базе данных и стали основой для изучения структуры питания различных категорий ученых в зависимости от их статуса и места проживания (столица/провинция), а также факторов формирования стандарта потребления, среди которых особое значение имеет включение определенной части ученых в номенклатурные списки.

Елена Кочеткова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) сделала доклад на тему «Наука и технологии в промышленном производстве продуктов питания в позднем

СССР». Отмечалось, что с середины 1950-х годов промышленное производство продуктов питания стало ключевым приоритетом советской экономики. Увеличение производства сельскохозяйственных и промышленных продуктов питания было вопросом повышения уровня жизни, что с 1961 года советское руководство объявило важнейшим шагом на пути к коммунизму. В то же время начиная с 1950—1960-х годов значительно возросла роль науки и техники в производстве продуктов питания, что сулило улучшение как количественных, так и качественных показателей питания. Специалисты сыграли ключевую роль во включении традиционных продуктов питания в сложный узел современной науки и технологий производства, они разработали новые качества продуктов питания, которые называли «современными». Современность продуктов питания основывалась на твердой вере в силу химических элементов, микробиологии и современных технологий производства для создания более здоровых, вкусных и устойчивых продуктов питания. К 1970-м годам гигиена также стала важнейшим элементом материального производства продуктов питания, включенным в систему стимулирования труда на советских предприятиях. Однако эти попытки сосуществовали с нехваткой продовольствия, инфраструктурными проблемами и низкой культурой производства, которая стала особенно очевидной к 1980-м годам. Докладчица пришла к выводу о противоречивом характере советского промышленного производства продуктов питания: сильная вера в науку о продуктах питания как толчок к повышению уровня жизни сосуществовала с отсталой промышленной инфраструктурой, которая оставляла «современную еду» скорее вопросом эксперимента, чем реального производства. Это раскрывает ключевую проблему советской экономики, где интенсивные исследования наталкивались на недостаточную инфраструктуру для их реализации.

Михаил Тимофеев (Ивановский государственный университет) докладом «*Мне на стол ставить*»: ассортимент и дизайн алкогольной продукции в позднем СССР (1964—1985)» дополнил тематику продуктов питания историей алкогольной продукции. Докладчик отметил, что период советской истории с середины 1960-х до начала горбачевской антиалкогольной кампании по аналогии с «эпохой застоя» иногда иронично называют «эпохой застолия». В этот период проводилась работа по формированию культуры потребления алкогольных напитков и шла борьба с пьянством и алкоголизмом. В это время не только существенно расширяется ассортимент доступной разным социальным группам населения алкогольной продукции, но и заметно изменяется дизайн этикеток. Обильно поставлявшиеся в это время в СССР напитки стран социализма выступали в роли своего рода образцов для создания современного дизайна. Из широкого ряда алкогольной промышленности — разнообразных вин, коньяков, ликеров, бальзамов и более редких и экзотических для советского времени напитков (рома, виски, джина) — докладчик предпочел остановиться на водочном ассортименте и локальных сортах пива. Не очень большая линейка водок и горьких настоек в 1960—1980-е годы обретает этикетки, ставшие каноническими. Часть водок («Столичная», «Московская», «Посольская», «Сибирская», «Золотое кольцо») и горьких настоек («Starka», «Yubileynaya», «Kubanskaya», «Zubrovka», «Okhotnichya», «Pertsovka» и «Limonnaya»), предназначенных с 1969 года на экспорт, получают дополнительные визуальные детали, ставшие своеобразными маркерами демонстративного потребления в Советском Союзе.

Елена Малая (Европейский университет в Санкт-Петербурге / ТюмГУ) выступила с докладом «*Между объектом и текстом: материальность и логоцентризм советских капсул времени*». Докладчица отметила, что, с одной стороны, советская традиция закладки капсул времени в 1960-х продолжила американскую традицию «археологии для потомков» 1930-х годов, объектно-ориентированную по своей сути (капсулы времени компании «Westinghouse», «Крипта времени»

Оглторпского университета). С другой стороны, несмотря на преемственность, советские капсулы времени, в отличие от американских, почти никогда не содержали в себе предметов (хотя из этой тенденции есть исключения), представляя собой скорее нержавеющие контейнеры для писем в будущее. «Логоцентричность» советских капсул времени, вероятно, связана с их близостью с другим, специфически советским жанром — открытыми письмами, использовавшимися в сталинское время для создания видимости народной поддержки и частично переосмысленными только в период оттепели. По сути, письма потомкам относятся к этому жанру напрямую — они в большинстве своем написаны с государственных позиций, используют клише советского публичного дискурса и де-факто адресованы широкой аудитории современников (а не потомкам), которые должны их читать и оценивать. Жанр открытого письма в 1960-е годы прагматически и стилистически неоднороден. С одной стороны, в это время еще сохраняется сталинская традиция использования их как инструмента властной поддержки. С другой — открытые письма становятся языком складывающегося диссидентского движения. Советская капсула времени во многом мыслится как сохраняемый текст (слова «капсула» и «письмо в будущее» используются закладчиками как синонимы). Однако она обладает своей собственной материальностью, проявляющейся в определенных ситуациях (в основном во время закладки и извлечения). Деформация ее оболочки, нарушение герметичности, течи и бреши в корпусе ассоциируются закладчиками с состоянием стоящего за ней государственного или социального образования.

Александр Фокин (ТюмГУ) в своем докладе «*Бюллетень и урна: материализация советской демократии*» на основе анализа писем граждан в различные официальные инстанции показал, как рядовые советские люди воспринимали советские выборы. Особый акцент был сделан на той роли, которую бюллетень и урна играли в практиках и символической структуре советского общества. Для многих советских граждан избирательный бюллетень был важным каналом коммуникации с властью. Поэтому граждане видели в бюллетене не столько объект для выбора кандидата, сколько площадку для жалоб или высказываний. Одновременно с этим бюллетень с одним кандидатом порождал когнитивные конфликты и тем самым вызывал разрушения стабильности советской системы. Урна, которая находилась на каждом избирательном участке, выступала центральным объектом советской демократии, поскольку была призвана аккумулировать волю народа. Зачастую вокруг урны устанавливали почетный караул из пионеров и размещали бюсты советских вождей. При этом организация пространства советских избирательных участков приводила к тому, что для того чтобы проголосовать против, необходимо было зайти в специальную кабинку, что сразу маркировало избирателя как потенциально подозрительного субъекта. Поэтому многие советские граждане предлагали различные планы пересборки материальных объектов избирательных участков для реализации принципа тайны голосования.

Анна Разогреева (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) в докладе «*Секреты советской красоты или репортаж из подсобки*» использовала метод автоэтнографии, осмысляя опыт работы своей семьи в сфере советской индустрии красоты. В докладе были описаны различные практики создания, распространения и использования косметических средств. В частности, приводился случай, когда работницы косметического кабинета нелегально занимались производством крема, который пользовался популярностью у представительниц различных групп советского общества из-за своей дешевизны и эффективности. Таким образом, на основе имеющейся инфраструктуры красоты создавалась параллельная структура, создающая материальность, находящуюся в серой зоне.

Финальный блок докладов был связан с вопросами материальности здоровья и отдыха в СССР. *Мария Вятчина* (приглашенная исследовательница департамента этнологии, Университет Тарту) в докладе «*Материальность нового быта и борьба с трахомой в раннесоветский период*» осмысляла раннесоветскую кампанию по борьбе с трахомой, показывая, как реализовывались и воплощались меняющиеся подходы к понимаю болезни. Трахома — это инфекционное заболевание глаз, которое на поздних стадиях вызывает слепоту. Важной частью исследования стала работа с материалами на языках местного населения, которые не всегда попадают в поле зрения ученых. В рамках доклада ставился вопрос о том, как формировалась материальность болезни: какое оборудование было доступно для медицинских работников, как в зависимости от понимания природы болезни менялись способы ее лечения (от хирургического вмешательства к изобретению антибиотиков), как врачи и медсестры боролись с практиками совладания с болезнью среди коренного населения (например, как видно из отчетов, пытались вытеснить власть местных целителей и избавляться от щипчиков, которые использовались для лечения в домашних условиях). Эксперименты раннесоветского периода сменяются в 1930-е годы ставкой на вертикальные сложноподчиненные структуры трахоматозных медицинских пунктов, которые должны были поставлять статистику о борьбе с эпидемией. Реализация этих мер была тесно связана с гигиенистской кампанией, которую можно описать как буквальное воплощение победы материальности. Для дисциплины тела (а далее и классового сознания) врачи и управленцы в сфере здравоохранения пытались повлиять на бытовые изменения и на многочисленные рутинные практики: от способов грудного вскармливания и ухода за младенцами до использования нового типа чуточных рукавинок, которые медсестры должны были разносить по дворам.

Продолжил тему *Павел Васильев* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) докладом «*Чудодейственное лекарство для советского сверхчеловека: разработка, использование и злоупотребление адаптогенами в СССР времен холодной войны*». Он обращается к контексту холодной войны как глобального идеологического (и потенциально военного) конфликта, в свете которого научное изучение стимуляторов центральной нервной системы и наркотиков, предназначенных для повышения способности человека противостоять неблагоприятным внешним условиям, стало весьма привлекательным направлением исследований. С конца 1940-х годов в Советском Союзе был введен специальный термин «адаптогены», который отчасти основывался на более раннем медицинском понятии «тоник». Считалось, что эта группа лекарств с очевидным потенциалом применения в военной и космической медицине повышает общую способность человеческого организма противостоять экстремальным уровням стресса и различным враждебным природным условиям. К «адаптогенам» могут относиться как препараты растительного происхождения (например, родиола розовая, элеутерококк или женьшень), так и синтетические препараты (яркий пример — мeldonin, кардиопротектор, который получил широкую известность после того, как Всемирное антидопинговое агентство разоблачило его использование спортсменами для повышения спортивных результатов). Докладчик продемонстрировал, что эти чудодейственные препараты не могли быть ограничены в рамках закрытой сферы военной медицины. По крайней мере, с 1960-х годов сообщения в прессе и архивные документы свидетельствуют о продолжающемся «увлечении адаптогенами» среди советского гражданского населения. Люди предполагали, что «военные» препараты могут использоваться для достижения более высоких показателей на производстве и благоприятно влиять на психологическое состояние перегруженного работой и стрессом советского человека. При этом, как было показано в докладе, практика военной медицины

оказывала длительное влияние на материальность гражданской повседневной жизни с советской стороны железного занавеса.

Ольга Никонова (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) в докладе «*Заводчанин на отдыхе: рекреационная инфраструктура предприятий и ее материальный мир (на примере Челябинской области)*» анализировала рекреационную инфраструктуру предприятий Челябинской области, которая включала в себя санатории, пансионаты, дома отдыха и туристические базы, а также профилактории, детские пионерские и спортивные лагеря. Объекты социального назначения, которые считались «нецелевыми» активами предприятий, могли располагаться как на административной территории, к которой относился промышленный объект, так и за ее пределами — в традиционных курортных местах СССР — Краснодарском крае, Крымском полуострове, на Кавказе. Материальный мир объектов «социалки» являет собой сочетание (порой весьма неожиданное) уникального природного окружения, аскетизма советского массового потребительского продукта и художественного творчества, нередко эксклюзивного характера. В предметной среде мест отдыха складывались практики «присвоения» этого материального мира — они простирались от увоза алюминиевых вилок до приобретения в южных санаториях дефицитных товаров. К другим формам присвоения можно отнести индивидуальное и коллективное фотографирование у значимых объектов рекреационной территории, использование материальных объектов для организации праздников, проведения определенных ритуалов (см., например, элементы повседневности и праздничных ритуалов в экранизации истории пионерлагеря — фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»).

Людмила Кузнецова (Пермский государственный национальный исследовательский университет) в докладе «*Материальность советского курорта: пижамы для лучших людей страны*» представила результаты изучения советского курорта и курортной индустрии 1920—1950-х годов. Анализируя советский курорт (особенно довоенного периода) как идеологический проект, важно понимать, что его успешность во многом зависела от соответствия материального — идеологическому. Рассмотрев интерьеры санаториев и общих курортных пространств, курортную моду, вопросы питания и снабжения на курортах, докладчица задалась следующими вопросами: через какие материальные объекты идеология должна была воплощаться согласно замыслам советских властей? Насколько успешно удавалось реализовывать эти проекты? Кто определял материальный мир курортов? О чем свидетельствовала материальная культура курортов помимо запланированного и «идеологически верного»? Людмила Кузнецова высказала предположение, что материальность советского курорта намного меньше, чем принято считать, зависела от распоряжений и инструкций центра, и в каждом конкретном случае представляла собой результат (иногда непредсказуемый) взаимодействия акторов разных уровней. Кроме того, различные элементы материального мира курортов имели возможность репрезентировать советскую реальность куда более разнообразно, чем это планировалось идеологией и управленцами курортной индустрии.

Разговор о советских санаториях продолжила *Юлия Секушина* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) докладом «*Перерабатывая советскую материальность санаториев: от “динозавра” к наследию*». Было отмечено, что современные российские санатории имеют явную ассоциацию с советским прошлым за счет устойчивых и воспроизводимых досуговых и лечебных практик. Важной целью советской власти при создании нового дизайна массовых «советских здравниц» для рабочих и крестьян была организация правильного досуга граждан, в том числе путем создания отдельной науки курортологии. Современные постсоветские (и конкретно российские) санатории являются не только востребованным местом

досуга и лечения для разных категорий людей, но и отдельно предметом интеллектуальной рефлексии. Так, художники, журналисты, фотографы, архитекторы и урбанисты пытаются осмыслить санатории и определить их будущее в художественных и прикладных проектах, осуществляя дискурсивный ресайклинг материальности этих учреждений. Санатории осмысляются и как наследие, требующее сохранения и имеющее потенциал, и как руина, заслуживающая права на отдых, и как незавершенное прошлое, нуждающееся в нейтрализации. В докладе было показано, как дискурсивно перерабатываемая материальность санаториев становится призмой, которая преломляет разные грани (воображаемого) советского и отражает разное отношение к нему в рассматриваемых проектах.

Финалом конференции стал круглый стол, прошедший в гибридном формате, с подключением онлайн Алексея Голубева и Сергея Ушакина, в ходе которого участники обсудили возможность соединения подходов нового материализма и концепции «эстетического материализма», которую в своих работах использует Сергей Ушакин. Дискуссия развернулась вокруг особенного типа вещизма, постепенно сложившегося в СССР: вещи наделялись воспитательной силой и становились символически важными объектами, но при этом сам вещный мир был весьма ограничен. Так «Товарный словарь» в девяти томах включал в себя весь ассортимент производимых в СССР вещей. Конференция показала перспективность изучения советского прошлого через вещи. Участники сошлись во мнении, что для понимания специфики советского опыта надо включать в него не только политическую, но и материальную сторону.

Александр Фокин

Всероссийская научная конференция «Хороший перевод — красивый или точный?»

(ШАГИ РАНХиГС, 9 июня 2022 года)

10.53953/08696365_2023_179_1_422

Лаборатория историко-литературных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований проводит конференцию, посвященную переводу, уже в третий раз. И будем надеяться, не в последний, поскольку исследования переводческих практик — материя практически неисчерпаемая.

Конференцию открыл директор ШАГИ *Николай Гринцер*. Он очень одобрил тему конференции (красота и/или точность перевода), сказав, что для него как для филолога-классика она особенно важна, и привел два своих любимых примера на эту тему. Первый пример продемонстрировал, как красота убивает точность. Известнейший филолог-античник С.И. Радциг перевел стихотворение Алкея так: «Я не пойму ветров смятенье. / Тут волны мечутся кругом, / А посреди всего волнения / Мы с черным носимся судном». Получилось даже довольно точно, но стремление «говорить красиво», то есть в рифму, подвело, и стихотворение стало звучать не столько красиво, сколько смешно. Зато во втором примере (хор из «Медеи» Еврипида в переводе Иосифа Бродского) от Еврипида, как выразился Гринцер, мало что осталось, но то, что осталось — завораживающий ритм стиха, очень важный для афинской аудитории, — гораздо важнее того, что пропало, и красота обернулась сверхточностью. В конце своего необъявленного мини-